

— Ну что, хорошо поиграл с Братцем Хуанем? — спросил Вэй Чэн, пока они неспешно шли к дому.

Он вспомнил, как Хуань совсем недавно, надувшись от непонятной обиды, умчался прочь к Мофулану.

— Хо-ро-шо! — Горшочек, пытая от усердия, обеими ручонками вцепился в края своего маленького короба. — А братик... с дядей-лекарем... хорошо поиграл?

Вэй Чэн не сдержал улыбки:

— Вполне. Дядюшка Цяо даже нашел мне учителя, который обучит счету.

Вернувшись домой, братья сразу принялись за дело: нужно было перебрать и промыть дикоросы, что они накопили в горах.

Снег в лесах почти сошел, и талую воду для нужд больше не использовали. Теперь юноша каждое утро спускался к речушке под холмом и приносил несколько ведер воды, наполняя большие кадки. Эти чаны, как и ведра, он заказал у деревенского плотника еще в прошлом месяце. Два малых ведра служили для переноски, а из двух больших емкостей одна шла под питьевую воду, другая — для мытья.

Кроме того, в хижине наконец-то появилась мебель: небольшой стол и четыре табурета. Теперь им с малышом не приходилось ютиться на корточках перед очагом во время трапезы.

Закончив с зеленью, Вэй Чэн отправил брата играть с Синьэром и цыплятами, а сам принялся за лепешки.

Омыв руки, он мелко порубил дикоросы и тщательно отжал лишнюю влагу. Тесто в кадке уже подошло: юноша отщипывал пышные кусочки, и под его пальцами липкая масса, присыпанная мукой, быстро превращалась в податливые, гладкие колобки. Он ловко вмешивал рубленую зелень в тесто, и вскоре на столе появилось четыре-пять аккуратных круглых колобков.

Пока хлеб доходил в пароварке, Вэй Чэн подбросил дров в печь. Дождавшись, когда над котлом заструился горячий пар, он взял оставшийся кусок свиной грудинки и нарезал его прозрачными ломтиками. Туда же отправились сушеные грибы, купленные у семьи Чжоу — предварительно замоченные и мелко нашинкованные.

Возле хижины он развел небольшой костер и водрузил на него глиняный горшок, который пылился без дела с тех пор, как в доме появилась железная сковорода. Стоило посуде раскалиться, юноша бросил в нее добрую ложку свиного жира. Когда белый жир разошелся со шкворчанием, юноша быстро добавил чеснок и мясо. По округе поплыл дразнящий аромат жареной свинины. Следом пошли грибы. Несколько раз энергично перемешав содержимое, он

влил две миски колодезной воды, и шипение мгновенно стихло. Добавив щепотку соли для вкуса, он в самом конце влил полчашки свежего уксуса.

На днях приказчик в лавке сказывал, что этот уксус — редкость из далеких краев. У них в деревне его еще не распробовали, а потому и цена была невелика. На деле же этот уксус придавал и супам, и вторым блюдам неповторимый, густой аромат и приятную кислинку.

Прошло совсем немного времени, и из дома потянуло нежным запахом готовых лепешек, а на улице заварился густой, бодрящий дух грибной похлебки со свиной.

Малыш, заранее вымыв руки, уже чинно восседал за столом в ожидании обеда. Синьэр не отставал: волчонок уселся рядом, держа в зубах свою миску и преданно следя за каждым движением хозяина.

Вэй Чэн первым делом наколол горячую лепешку на палочку и протянул брату, а затем быстро крошил хлеба в миску волчонку, смешав его с мясом.

Горшочек, не в силах терпеть, откусил кусок обжигающе вкусного теста и довольно заболтал ножками:

— Вкусно-то как!

Юноша поставил перед ним чашку с чуть остывшим супом и улыбнулся:

— Не торопись, не ровен час подавишься. Запивай бульоном.

Сладковатая лепешка и ароматная кислая похлебка пришлись по вкусу обоим сорванцам.

Наблюдая за ними, Вэй Чэн чувствовал на сердце тихую радость и довольство. Несмотря на юные годы, он умел готовить на совесть — сказывались природная основательность и привычка думать наперед.

В те годы, что он провел в семьях Цинь и Вэй, пока другие дети носились на улице, он стоял у очага, подбрасывая дрова и следя за варевом. Никогда он не роптал: во-первых, живя в чужом доме, лучше смирить гордость, а во-вторых, он жадно запоминал всё, чему мог научиться.

«Когда-нибудь я сам стану хозяином в собственном доме и буду готовить такие же вкусные блюда», — втайне клялся он себе, ведь с самого начала не собирался задерживаться у родни надолго.

Рано утром Ли Маодэ прислал человека — позвать Вэй Чэна к себе. Похоже, дело с покупкой земли наконец сдвинулось с мертвой точки.

Высыпав цыплятам в загон свежей травы и обтерев ладони, юноша подхватил малютку и поспешил к дому старосты.

В горнице Ли Маодэ собралось несколько человек. Двоих из них Вэй Чэн узнал мгновенно: это были Вэй Эрнянь и его жена Цянь-ши.

Стоило им войти, как женщина тут же расплылась в притворной улыбке:

— Ах, паренек Чэн, малютка! Наконец-то вы пришли! А я-то как раз хотела...

— Дядюшка-староста, — Вэй Чэн даже не взглянул в ее сторону, обращаясь сразу к Ли Маодэ.
— Вы звали меня по поводу земли?

Улыбка на лице Цянь-ши на миг застыла, но, будучи особой хваткой и привыкшей играть роль «доброй родственницы», она не подала виду и не проронила ни слова обиды.

Ли Маодэ кивнул:

— Именно за этим и звал.

Он указал на сидящую рядом женщину:

— Это Тан-нянцзы, можешь звать её Тетушка Танг. Ее сыну пришла пора жениться, а семья осталась без кормильца, живут они нелегко. Вот и решили продать два му земли, чтобы поправить дела. Я те наделы сам осматривал: добрая, плодородная почва, урожай будет знатный. К тому же земля эта совсем рядом с домом семьи Ма, с которыми ты дружишь. А что до твоего второго дяди...

— Паренек Чэн! — перебила его Цянь-ши, подавшись вперед. — Поля твоего второго дяди когда-то выбирал сам твой отец! Он столько сил вложил в эти участки! — Она картинно вздохнула. — Мы ведь родня, к чему эти торги? Будь наша воля, мы бы и так тебе их отдали. Да только старшему брату твоему в городе учиться надобно, а жилье там — ох какое дорогое! За месяц аренды по сотне монет требуют. У тетки просто сердце не на месте, вот и пришлось к тебе за помощью идти.

Она ощутимо толкнула локтем мужа. Вэй Эрнянь, пряча руки в рукава, хмуро глянул на племянника и прогудел:

— Был бы жив твой отец, он бы точно помог своим.

Вэй Чэн лишь холодно усмехнулся:

— Слава богам, что его здесь нет. Будь он жив и узнай, как ваша семейка со мной обошлась — сомневаюсь, что вы бы до сегодняшнего дня дотянули. Он бы вас тесаком зарубил на месте.

Вэй Эрнянь вытаращил глаза:

— Вэй Чэн! Ты как со старшими разговариваешь?!

Цянь-ши снова больно ущипнула мужа за руку и прошипела:

— О сыне подумай, о Чжи-эр!

В начале февраля Вэй Чжи отправился на уездный экзамен. Цянь-ши уже предвкушала, как будет принимать поздравления, но сын провалился. Она была вне себя от ярости, но сорваться на старшего сына не посмела. Пришлось отменять пиршество и снова тянуть жилы, чтобы оплатить его учебу. Но Вэй Чжи неожиданно поставил условие: либо семья заберет Вэй Чэна с его малюткой к себе, либо пусть покупают ему дом в городе. Иначе, мол, учиться не станет.

Женщина сразу нацелилась на двадцать лянов племянника. Как ни крути, а Вэй Чэн носит фамилию Вэй, и земля должна остаться за ними. А как только ее сын выбьется в ученые мужи — сюцаи да цзюжэни, — разве трудно будет отобрать два му земли у простого деревенского парня?

Юноша, не обращая внимания на родственников, сказал старосте:

— Будьте добры, дядюшка-староста, проводите нас взглянуть на поля Тетушки Танг.

При этих словах Тан-нянцзы и ее сын просияли от радости.

Ли Маодэ поднялся с места:

— Что ж, пойдёмте, осмотрим всё на месте.

Цянь-ши в отчаянии вцепилась в рукав Вэй Чэна:

— Паренек Чэн, послушай! Нельзя же быть таким... чужим людям помогаешь, а о родном брате и не вспомнишь! Тетка тебя просит, неужто откажешь?

Он резко высвободил руку:

— Нет у меня никаких братьев. У нас с вами из общего — только фамилия, так что нечего ради серебра набиваться в родичи!

Ли Маодэ тоже прикрикнул:

— Хватит, Цянь-ши! Не смей докучать. Со временем я поищу для вас другого покупателя.

Оставив недовольно ворчащую женщину в горнице, староста вывел юношу, Горшочка и семью Танг на улицу.

Они прошли по деревенской дороге до окраины, где по обе стороны раскинулись черные пашни. Многие сельчане уже вышли в поля: настало время сажать картофель, кукурузу и сорго.

Участок Тетушки Танг был ухожен на диво: никакой прошлогодней травы или сорняков, а земля была уже наполовину вспахана.

Женщина пояснила:

— Мы эти два года невесту нашему Ван Чжуану искали. То нам не по нраву, то сыну не любя. А тут — на радость — нашлась та самая, обоим по сердцу. Вот я и решила: нужно поскорее со свадьбой решать, выкуп внести, чтобы девица зря не ждала.

Мужик Ван подхватил:

— Братец Чэн, ты хоть и рослый, а всё еще мал, сил набираешься. Пахота — дело тяжелое. Я всё одно уже половину земли вскопал, так давай за пару дней и остальное закончу. Идет?

Вэй Чэн пытался вежливо отказаться, но не смог устоять перед искренним радушием матери и сына. В итоге прямо на месте, при старосте-свидетеле, они скрепили уговор отпечатками пальцев. Тетушка Танг передала ему купчую на землю; через пару дней они съездят в управу, и сделка будет завершена официально.

Вдобавок Вэй Чэн купил у них семена кукурузы и сорго на один му. Заодно заглянул к семье Чжоу: взял проросший картофель на рассаду, а также семена огурцов, пекинской капусты и бобов.

После всех покупок, не считая тех двадцати лянов, что были припрятаны в горшке, на руках у юноши осталось восемь лянов серебра.

Наступала горячая пора посадок. Чтобы к зиме забить погреб припасами, Вэй Чэн не скупился на хорошие семена.

Пока Мужик Ван заканчивал пахоту на новых полях, юноша вскопал участок позади своей хижины. Там он решил посадить картофель и овощи. Пекинская капуста созреет уже через месяц, а вот бобы и картофель придется ждать до июля.

Вспашка, посев, полив... Следующие две недели пролетели как один миг. Горшочек был еще слишком мал, чтобы помогать по-настоящему, но он ни на шаг не отходил от брата. Как-то раз, увлекшись севом, Вэй Чэн вдруг заметил, что давно не слышит голоса малыша. Он обернулся и замер: ребенок, свернувшись калачиком прямо на меже, крепко спал, подстелив под себя старый халат брата.

У Вэй Чэна защемило сердце. Он осторожно поднял малыша, устроил его за спиной и так, с драгоценной ношей, продолжил работу.

Позже на подмогу пришли семья Ма из трех человек и домочадцы старосты. Общими силами они успели вовремя — семена легли в теплую землю, обещая будущий урожай.

Ли Маодэ, стоя на краю поля, помахал юноше рукой. Вэй Чэн отряхнул ладони от чернозема и подошел:

— Вы звали меня, дядюшка-староста?

Тот окинул взглядом возделанные два му:

— Всё посадил?

— Да, — ответил Вэй Чэн. — Семья дяди Ма помогла, да Братец Саньлан с Братцем Цю подсобили. Справились.

— Доброе дело. С землей ты управляешься не хуже любого взрослого мужика.

Ли Маодэ внимательно посмотрел на него:

— На Новый год ты сказывал, что весной хочешь в школу пойти. Раз с полем закончил, когда думаешь отправляться?

Юноша не ожидал, что староста запомнит его слова.

— Пару дней отдохну, приду в себя — и пойду.

— Вот и славно. Такой случай упускать нельзя. Ты парень основательный, рассудительный и умом не обделен. Ученье тебе на пользу пойдет. А те двое наших деревенских недорослей... эх,

и поминать не стоит, — Ли Маодэ вздохнул, но голос его тут же смягчился. — О деньгах не беспокойся. Если всем сердцем захочешь учиться — выучишься. Моя семья, если что, подсобит.

Вэй Чэн был тронут до глубины души.

— Дядюшка-староста, я ведь в грамоту иду не ради чинов. Хочу лишь иероглифы знать да писать уметь, чтобы в делах никто меня в ловушку не заманил и вокруг пальца не обвел. А выйдет ли из меня ученый — сам не ведаю. Поучусь в школе немного, а там видно будет.

— Верно мыслишь, — одобрительно похлопал его по плечу Ли Маодэ. — Сначала попробуй. А если серебра на ученье не хватит — сразу ко мне иди.

— Спасибо, дядюшка. Я запомню.

<http://bllate.org/book/15346/1373451>